

Мать Блоада. Художник К.И. Рудаков, 1942 г.

Воспоминания о блокаде

Этот выпуск газеты посвящен двум важным для нашего города датам: 18 января мы вспоминаем день прорыва блокады Ленинграда, а 27 января празднуем 78-летнюю годовщину его полного освобождения от фашистских войск.

Много исследований, воспоминаний и художественных произведений написано о блокаде Ленинграда. Но о том, что происходило на купчинской земле, известно очень мало. Это неудивительно – ведь многие наши жители воевали на фронте или были эвакуированы, и в большинстве

поселков остались лишь отдельные семьи... Сейчас открыты архивы Министерства обороны, но лишь людская память одушевляет эти сухие документы, наполняет их ускользающими подробностями, личными историями и переживаниями. Поэтому очень важны даже краткие воспоминания тех, кто

жил или оказался по долгу службы на нашей земле. Эти истории – уникальные свидетельства военного времени. Они охватывают широкое пространство от Расстанной улицы до Шушарских полей, а их герои – люди разного возраста и профессий. И мы предлагаем вам вслушаться в их голоса.

Дорогие купчинцы!

В военной истории нашей земли много белых пятен. Еще не найдены воспоминания тружеников совхоза «Ударник», растривших урожай для блокадного Ленинграда, и железнодорожников станции Обухово из поселка Ново-Александровский. Мы мало знаем

о служивших здесь зенитчиках, артиллеристах, бойцах других родов войск. Поэтому мы ищем тех, чьи родственники жили, работали или воевали на нашей земле. Ваши семейные предания имеют огромную ценность – мы будем рады встретиться и записать их!

Редакция благодарит за помощь в поиске и подготовке материалов купчинских краеведов Дениса Валерьевича Шаляпина и Леонида Анатольевича Харитоновича, а также Ренату Зафаржановну Платэ, сотрудницу Центральной районной библиотеки имени А.П. Чехова.

«Наша семья осталась в Купчине»

Большую часть блокады семья Нуцковых прожила в деревне Купчино. Ираида Николаевна и Федор Николаевич Нуцковы рассказали, что им запомнилось из того времени.

Стр. 2

«Мы защищали город»

Многие доты рубежа «Ижора» строились руками ленинградских девушек. В их числе была Lidia Ivanovna Utina.

Стр. 5

Наша блокада

Профессор Ленинградского политехнического института Владимир Андреевич Романов и его жена Софья Исааковна жили на Тамбовской улице, в доме № 17.

Стр. 7

БЛОКАДНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ /

«Наша семья осталась в Купчине»

Большую часть блокады семья Нуцковых прожила в деревне Купчино. Несмотря на все лишения, маме, Александре Дмитриевне Нуцковой, удалось сохранить жизнь всем восьмерым детям. Двое из них – Ираида Николаевна Васильева (Нуцкова) и Федор Николаевич Нуцков рассказали о том, что сохранилось в их памяти о военном времени.

Ираида Николаевна Васильева (Нуцкова), фото Д. В. Шаляпина

Моя мама родом из села Кузьмино у Царского Села. Там она была первой женщиной-трактористкой, ей грамоту дали. Она вышла замуж за моего папу – за вдовца с тремя детьми. Это был 1931 или 1932 год. Я родилась в 1937 году. Когда блокада началась, у мамы было восемь детей и девятым она была беременна. Блокада началась 8 сентября, а она родила 27 сентября.

Всех купчинских стали эвакуировать куда-то за Урал. Колхоз увезли вместе со скотом. Мама отказалась от эвакуации. Она мне говорила: «А вдруг пока еду, начну рожать, одного рожу, а вас всех потеряю». И она осталась.

Мой папа 1898 года рождения, его не сразу на фронт взяли. И в начале войны

он нам успел и конины насолить, и капусты. Мать осталась одна на всю деревню с восьмью ребятишками. Корова была только. Замполит воинской части Борис Александрович Чижов распорядился, чтобы солдат кормили в нашем доме. Солдаты приезжали и в больших котлах привозили пищу. У нас в доме расставляли на скамейки посуду и ели. А что оставалось у них в котлах, это нам уже доставалось.

Мама раньше торговала молоком на рынке. А потом носила молоко домой как-то людям на улице Рубинштейна. Это были состоятельные люди. Мать доила корову и молоко несла туда пешком. Из Купчина до Рубинштейна. Это на весь день. И они расплачивались хлебом.

Александра Нуцкова с ребенком, 1930-е гг.

Мама набирала хлеба и несла домой. Но на дороге стояли военные посты. И эти военные, на постах, они уже ее знали, что она ходила постоянно. И на каждом посту у нее требовали хлеба. Она на каждом посту отдавала часть хлеба. И нам она уже приносила очень мало хлеба. Резала по тоненькому-тоненькому кусочку.

Когда в Пушкине уже был немец, церковь солдаты разобрали. Они строили себе землянки. И сломали все купчинские дома. Три дома осталось от Куракиной дороги перед мостом, мама говорила, ими пользовалось командование. Еще дом дяди Гани остался и Минеевские дома, Минеевы там жили. И наш дом остался, но до поры до времени. Его потом тоже снесли.

В декабре 1942 года замполит Чижов распорядился, чтобы нас увезли оттуда. Солдаты воинской части всех нас вместе с коровой увезли на правый берег Невы, в Овцыно. Это была немецкая колония. Тогда и наш дом солдаты разобрали, ничего от него не осталось.

Мой папа на войне был ранен, в госпитале лежал. После госпиталя он к нам в Овцыно приехал. Он работал в Овцыно в колхозе конюхом. Но он очень любил свою родину и сразу после войны начал хлопотать, чтобы ему разрешили снова вернуться в Купчино. После войны он снова построил в Купчине дом.

**Запись Д. В. Шаляпина, 2011 г.
В обработке О. А. Ясененко, 2021 г.**

Главная улица в деревне Купчино, 1927–1930 гг., из альбома «Старое Купчино»

Федор Николаевич Нуцков, фото Д. В. Шаляпина

Я родился в 1940 году седьмым ребенком в семье. Наш дом располагался на Новой улице в конце деревни Купчино, у церкви. Началась война, почти все жители деревни были эвакуированы. Наша мама от эвакуации отказалась, рассудив так: с таким количеством детей в военное время детей можно потерять по дороге, а в своем доме, на своей земле, если снаряд попадет, то всех – одним ударом...

Противотанковый ров первой линии обороны города Ленинграда проходил в 60 метрах от нашего дома. Ближе

к городу была установлена зенитная батарея. Пришел как-то в дом командир зенитной части Борис Александрович Чижов и чуть не со слезами на глазах говорит: «Мать, прости, я снес с вашей церкви колокольню. Колокольня была очень хорошим ориентиром для фашистов». Это было первое разрушение в деревне. По существовавшей традиции снос церкви считался концом существования деревни.

Мне было около трех лет, а вот помню, как приходили военные, я помню их кусочки хлеба. Уходя в атаку, приносили они эти кусочки нам и говорили, что «мы все равно не вернемся, а вы, может

быть, выживете». Вот с таким настроением они шли в атаку, что последний кусочек хлеба отдавали детям во имя жизни на земле.

В январе 1943 года, при подготовке к снятию блокады Ленинграда, военным понадобилось много строительного материала для сооружения долговременных огневых точек. Наши деревянные постройки были очень удобным источником материала на опалубку для заливки корпусов дотов, ближайшим к строительному объекту. Поэтому командование настойчиво предложило нашей семье переселение, уверяя при этом, что после вой-

ны мы сможем вернуться на родную землю, построив новое жилье. Так как якобы есть закон, по которому нашей семье выплатят компенсацию за все наши строения, поскольку они будут разобраны и использованы на строительстве оборонных сооружений, а не просто утрачены. И в январе 1943 года наша семья была переселена в колонию Овцыно, дом 113, что на правом берегу Невы, пустовавший после эвакуации немецких колонистов, в более безопасные места.

**Запись Д. В. Шаляпина, 2014 г.
В обработке О. А. Ясененко, 2021 г.**

Мост и кузница в деревне Купчино, 1927–1930 гг., из альбома «Старое Купчино»

Церковь во имя преподобного Герасима, 1927–1930 гг., из альбома «Старое Купчино»

«Здесь все жили поддержкой друг друга»

Фарфоровский пост – небольшой поселок железнодорожников, чудом уцелевший при бомбежках и обстрелах Московской Сортировочной станции. Здесь живут уже несколько поколений семьи Ольги Михайловны Коньшевой. В основу ее рассказа легли блокадные воспоминания ее бабушки, Марии Георгиевны Черниковой.

Мария Георгиевна Черникова, 1930-е гг.

Моя бабушка родом с Поволжья, из-под Саратова. Она окончила семь классов и была чуть ли не самой образованной в деревне. Работала секретарем в колхозе, а когда написали доклад на председателя, ее предупредили: «Маша, если его заберут, то заберут и тебя». Она быстро собралась и уехала в Питер. Работала сначала на заводе, а потом попала на Октябрьскую железную дорогу. Сперва снимала угол, а потом ей выделили жилье – комнату в доме № 34 на Фарфоровском посту. Здесь она вышла замуж и работала телефонисткой в пожарной команде на Сортировочной станции. Дедушка, Черников Александр Семенович, работал в пожарном поезде.

Восемь лет в семье не было детей, а когда бабушка забеременела, началась война. Осенью 1941 года в 34-й дом попала бомба. Наша комната уцелела, но была угроза обрушения здания. Всех жильцов переселили, и бабушке досталась комната в подвале соседнего дома № 40. Подвал был высоким, с двухметровыми потолками. Его разделили на комнатки, и в каждой поставили печь. Так жило много семей.

Дорога под семью мостами. Художник Л.А. Рончевская, 1941 г.

Даже на последнем сроке беременности бабушка продолжала работать. Телефонный узел был в районе поста Мария, это около платформы 5-й километр. Бабушка сильно отекала от голода, и как-то раз ее отпустили домой помыться, переодеться. Ведь железная дорога была на военном положении, и все работали сутками. И она рассказывала: «Иду по путям с животом, и вдруг – воздушная тревога. И я должна была вернуться назад, ведь меня отпустили нелегально. Я шла с такой надеждой, что хоть на кровать свою лягу. Стою на путях, уже дом свой вижу! Я расплакалась и пошла назад».

Папу она родила в ноябре, недоношенным. Я ее спрашивала: «Как ты его вообще родила, выходила. Ведь был же голод!» «Рожала в больнице, в городе, а кормила отца грудью до трех с половиной лет». После родов бабушке дали декретный отпуск, два или три месяца, и потом она уже не работала, сидела с ребенком.

А зимой принесли домой умирать деда, ее мужа. У него была дизентерия, истощение, но бабушка умудрилась поставить его на ноги. У нее были небольшие запасы – два-три килограмма муки, немного сахара. Она их тянула – брала ложку муки, болтала баланду и ею отпаивала. Потом эти запасы закончились. Здесь были колонки с водой, но в первую зиму они не работали. И она говорила: «Пойду, натоплю снега. Мишу, сына, намою, Сашу намою. Горячей водой напою».

Какой-то паек им давали. И еще она ходила на Полтавскую улицу, там была молочная кухня. Это уже было после того, как она деда на ноги поставила, и он снова ушел на пожарный поезд. Маленького отца бабушка с кем-то из соседок оставляла, а если было не с кем – кормила, клала в кроватку, закрывала и уходила. Она говорила: «Либо я не вернусь, либо приду, а не знаю, что с домом будет». Пешком ходила от дома до Полтавской. Пассажирского сообщения ведь не было.

Как-то бабушка вспоминала: «Иду, а мне навстречу идет мужчина. Обрато иду, а он уже в снегу лежит, умер». Но как-то Бог миловал. «А как было не сходить, не забрать, если тебе что-то положено?» – говорила она. Старались выкупить, получить каждую кроху.

Рядом жила большая семья – тетя Фрося, ее сестры, дети, племянники. И одна из сестер работала извозчиком на железной дороге. Лошадей хоть как-то кормили, и она маленькую горсть овса домой тащила. Но это опасно было: представляете, если бы поймали? И иногда тетя Фрося отваривала жмых, отжимала и говорила: «Маша, вот тебе и Мише!» Бабушка жмых еще раз отваривала и давала папе. Вот так они первую зиму перекаптовались.

Дом № 40 на Фарфоровском посту

Потом стало легче – здесь была трава, вода была. Все жили поддержкой друг друга, как единая семья. Работали все скопом: мужики поуходили, остались одни женщины с детьми. Как и весь город – голодали, умирали при бомбежках. Но на Фарфоровском посту жилось чуть легче – снег чистый и какие-то дрова можно было найти: кусты, сараи, дома разбитые.

Бабушка рассказывала, что если разбомбили вагоны с продовольствием, то их сразу оцепляли, никого не подпускали, до расстрела. Но как-то разбомбили состав, а там были вагоны с сахаром. И земля пропиталась сахаром, что расплавился при пожаре. Его пытались вымывать из земли, но получалась грязная, мутная жидкость. Пробовали из тополеи делать муку, она была горькой. Собирали лебеду, сныть, сушили траву. Так жили. А всех, кто здесь умирал, хоронили на кладбище Памяти жертв 9-го января.

Потом бабушка с папой уехали в эвакуацию. Хотели к родным, в Саратов, но оказались в Казахстане. Вернуться помогли знакомые железнодорожники – она как-то добралась до

«Осенью 1941 года в 34-й дом попала бомба. Наша комната уцелела, но была угроза обрушения здания. Всех жильцов переселили, и бабушке досталась комната в подвале соседнего дома № 40. Подвал был высоким, с двухметровыми потолками. Его разделили на комнатки, и в каждой поставили печь. Так жило много семей».

Малой Вишеры, и оттуда ее машинисты в своей кабине привезли. По возвращении надо было где-то жить – комнату разбомбили, квартира в подвале была временная. И управдом говорит: «Маша, я тебе дам ордер. Комната небольшая, но туда уже никто точно не вернется, ты будешь точно знать, что это твое жилье». И так она попала в 68-й дом, где вырастила папу, – последняя парадная, второй этаж.

Запись О. А. Ясененко, 2021 г.

Памятная стела на Московской Сортировочной станции, фото Д. В. Шалапина

БЛОКАДНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ /

На переднем крае

В сентябре 1941 года начались оборонительные работы на ближних подступах к Ленинграду. Вокруг города в несколько рядов протянулись глубокие противотанковые рвы. Кирилл Ефимович Школьников оставил воспоминания об их строительстве в Купчине.

Кирилл Ефимович Школьников

Десятки тысяч ленинградцев вышли на строительство оборонительных сооружений у стен города. Ломы, кирпичи, лопаты взяли в руки и многие железнодорожники нашего Ленинград-Балтийского отделения. К ленинградским железнодорожникам присоединились многие из эвакуированных с Дновского, Псковского и других узлов. В одной из таких групп оказался и я. Было это в ноябре сорок первого.

В назначенный день в семь часов утра мы собрались на перроне Витебского вокзала. Там стоял состав из нескольких вагонов пригородного типа. В окнах – ни одного стекла. Вошли в вагон. В углу излучала тепло чугунная печка. Весело потрескивали ярко горевшие дрова. Освещения в вагоне не было, но пламя печурки давало отсвет. Скоро вагон заполнился разноголосым разговором, запахло махоркой. Минут через десять мы уже выходили из вагонов на станции Купчино. Порожний состав ушел обратно.

Руководители штаба оборонных работ разбили прибывших на подразделения – сотни. Они комплектовались по производственному принципу. Три сотни составляли железнодорожники. Первоначально я производил замеры и подсчитывал объем выполненных работ, затем был назначен начальником

участка, на котором трудилось двенадцать сотен, в том числе железнодорожники нашего отделения. Мы работали на трассе противотанкового рва от Витебской линии до Ижорского завода¹.

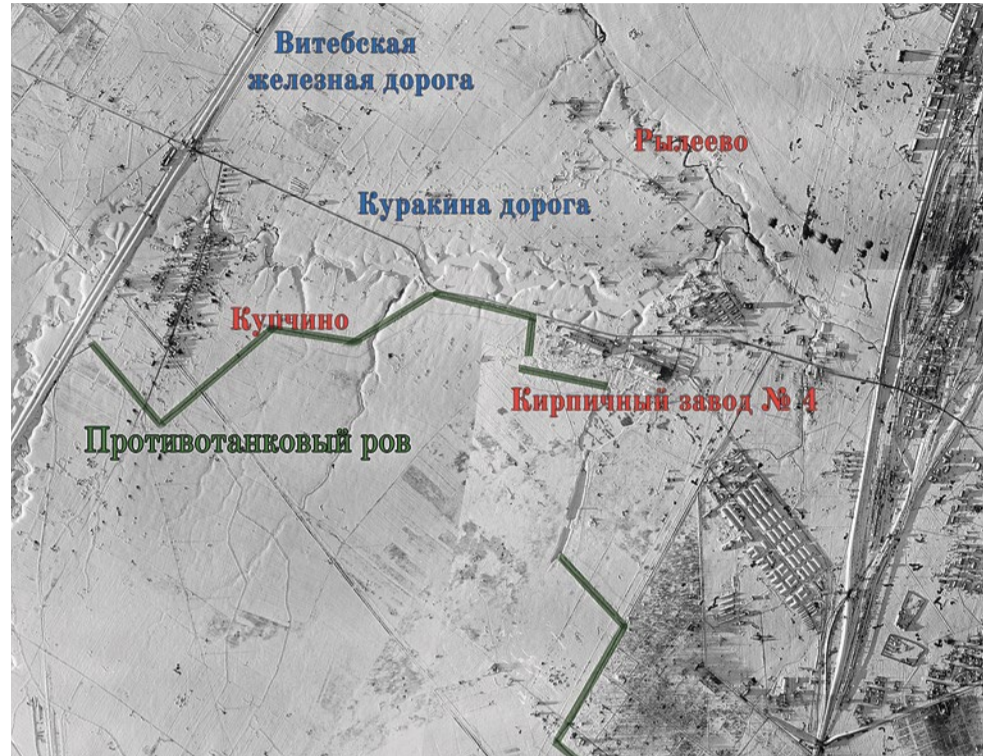
Каждый погонный метр траншеи требовалось вынуть до 15 кубометров грунта. В сорока метрах позади рва сооружались дзоты. Впереди, по капустному полю, в сторону Шушар до железнодорожной насыпи южного полукольца простирался широкий минный пояс.

Купчино тогда было небольшой деревушкой. В одном из домиков разместилась наша «штаб-квартира». Здесь оформлялись наряды, проводились планерки, заключались договоры на социалистическое соревнование между сотнями и бригадами, выпускались боевые листки. Сюда же приносили нам обед. Работа была трудоемкой и преимущественно выполнялась вручную. Приходилось учить людей, как вырезать лопатой грунт, каким движением удалять его.

До середины ноября погода стояла осенняя, слякотная. Ноги увязали в мокрой глине. К сапогам прилипали пудовые комья. Приходилось специальной лопаточкой счищать с обуви налипшую грязь. Было очень трудно, но люди понимали, что их работа имеет огромное значение для обороны родного города. Сильные помогали слабым, выполнившие норму брали «на буксир» отстававших.

Но люди на глазах слабели от недоедания. Движения становились вялыми, апатичными, а работа требовала большого физического напряжения. Выручал горячее питание. Каждый участник оборонных работ получал пол-литра супа и на второе кусочек мяса с кашей или картофелем. Хлеб и сахар выдавались на руки по бригадам. В каждой из них выделялись хлеборезы. Они ухитрялись без весов делить буханки на равные порции. Сахар делили ложкой.

С половины ноября ударили морозы. Шагать по глине стало легко, но долбить мерзлую землю – гораздо труднее. Многие уже были не в силах выполнять

Фрагмент немецкой аэрофотосъемки 1941 г. с сайта WWII Aerial Photos and Maps

«Купчино тогда было небольшой деревушкой. В одном из домиков разместилась наша «штаб-квартира». Здесь оформлялись наряды, проводились планерки, заключались договоры на социалистическое соревнование между сотнями и бригадами, выпускались боевые листки».

дневные нормы и после работы, едва передвигая ноги, брели к поезду, который ежедневно отвозил нас домой.

Во время работы мы часто видели, как над нашими головами пролетали в сторону Ленинграда вражеские бомбардировщики. Слышали стрельбу зениток, разрывы. Иногда с тяжелым гулом летели в обратную сторону снаряды – ни выстрела, ни разрыва не было слышно: это наша морская артиллерия била по дальним целям.

Однажды утром, идя на работу, мы увидели множество валявшихся на земле немецких листовок. Смысл их был примерно таков: жители города, прекратите строительство оборонительных сооружений, нас они все равно не задержат. Если же будете продолжать работу, пеняйте на себя.

Мы подобрали эту мерзость и сожгли. Каждый в тот день старался работать еще лучше – сколько хватало сил. На следующее утро немцы открыли артиллерийский огонь сначала по железнодорожному полотну, а в полдень перенесли его на наш участок. Вот один из снарядов разорвался у противотанкового рва, за ним – второй, третий...

У некоторых не выдержали нервы, и люди побежали к деревне. Противник ударил по дороге. Несколько человек упало. С того дня гитлеровцы регулярно

обстреливали нас, как правило, в полдень. Мы приноровились к этому и во время обстрела уходили в укрытия. Однажды прямым попаданием снаряда был разнесен дом, в котором находился наш штаб. К счастью, в тот момент в доме никого не оказалось.

Сейчас деревни Купчино не существует. На месте маленьких деревянных домиков высятся многоэтажные жилые корпуса. Едва видны очертания противотанкового рва, где мы в те суровые дни трудились под бомбежками и обстрелами. Как память о тех днях у меня остались медаль «За оборону Ленинграда» и шрам на левой руке.

Источник публикации:
Октябрьская фронтовая / под общ. ред. В. В. Чубарова; сост. М. Д. Опендик. Л.: Лениздат, 1970. С. 81–89.

Печатается с сокращениями

¹ По-видимому, речь идет о заводе «Большевик», ныне Обуховском.

Жительницы Ленинграда роют противотанковый ров. Июль 1941 г., фото Л. Великжанина

По земле современного Купчина в годы войны было проложено три противотанковых рва. Самый ближний к Ленинграду находился в районе улицы Салова. Следующий ров был вырыт южнее Куракиной дороги (ныне – Южное шоссе и Альпийский переулок), его строительство описывает К. Е. Школьников. Небольшой фрагмент этого рва сохранился у перекрестка улиц Димитрова и Софийской. Третий противотанковый ров был построен вдоль Южной окружной железной дороги, чуть севернее Малой Балканской улицы.

БЛОКАДНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ /

«Мы защищали город»

Оборонительный рубеж «Ижора» протянулся от Угольной гавани до Рыбацкого. Многие его доты были построены руками ленинградских девушек, мобилизованных в строительные отряды. В их числе была Лидия Ивановна Утина (Лаврухина) – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран инженерных войск, почетный житель Фрунзенского района.

В мае 1942 года я и мои подруги стали кадровыми военнослужащими. Нас приписали к воинской части 3793. Труд в инженерных войсках – самая неприметная, но тяжелая часть армейской службы. Трудно, рискованно, а в сводках почти ни слова о тех, кто строил переправы, обеспечивал продвижение войск, их закрепление на новых позициях.

В 1943 году, когда наши готовили наступление, то Говоров, он здесь командовал, решил создать укрепления. Нас привезли сюда. Поместили в школе на Кузнецовской улице¹. Там было прилично, столовая на первом этаже. Точки нам распределили. Доты мы начали строить от кладбища 9-го Января до Витебской железной дороги и за ней. Работали под обстрелом, меня там ранило в ногу. Тут поле было, и дотов много. Сейчас я уж не помню всех, а те, что сохранились, я их вижу, на Средней Рогатке и в Купчине.

С июля до октября мы их строили. В отрядах были только женщины, а командирами – только мужчины. Я была в 126-м отряде. Отделение – десять человек. А были еще арматурщицы, тоже женщины.

На подготовку мы ходили пешком из той школы. Начинали с котлована. А земля здесь тяжелая – глина, камни. Вот выкопали, забетонировали. Потом делали оружейный фундамент. Выкапывали яму, засыпали щебенкой, потом бетонировали. Чтоб плотно стояло орудие. Делали опалубку с двух сторон, на толщину стены. Не менее сложной была опалубка под двери и пулеметные амбразуры.

А я была «кружилухой». Это, когда мы делали опалубку, а мы же сами и плотниками были. Нижние доски прямые, а сверху скругление должно было быть. Так я из бревен выстругивала вот эту скругленную часть. А бревна еще в сорок втором году нас отправляли заготавливать. Посылали куда-то далеко. А сюда нам бревна привозили, и мы из них опалубку делали.

Отделение К. Н. Шмагиной, 1944 г. Лида Лаврухина в первом ряду вторая справа

Строили основательно, как дом. Только прочнее. Все на себе – и бревна, и переброска бетона. Даже военные артиллеристы из-под Пулково, глядя на нас, поражались: «Сколько можно надрывать? Шли бы лучше в боевую часть – солдаты сидят в обороне, а вы так жили рвет!»

А потом уже шло бетонирование. Подготавливали днем, а бетонировали только ночью. Чтобы заливать бетон в опалубку, делалась эстакада для подъезда грузовиков-трехтонок. Мы сами и делали. И она должна была быть очень высокой. Выше самого дота, и чтобы еще место было свободное. А самосвалов-то не было. Все ж руками выгружали. На один дот три-четыре машины цемента шло. Помню, особенно высокие эстакады строили у железной дороги Витебской. Там доты в насыпи. И так-то высоко, а надо еще выше...

На заливке женщины по очереди, увязая в бетоне, отгребали раствор и трамбовали двуручной «толкушкой-бабой», чтобы не было пузырей. Заливали и трамбовали на совесть, без вытекания и недоливов. Уставали сильно. На бетонирование нас возили, мы сами не ходили. Оттуда везли, мы усталые, все

«Вот сейчас вижу эти огневые точки, они разные. Многие покрасили, побелили. Не так уже выглядят. А здесь, где вы откапывали, у дота № 204, он в таком первоначальном виде сохранился. Как построили, так и стоит».

в бетоне... Освещение было – синие лампы. Почему синие – не знаю. Сейчас, может, и поинтересовалась бы, а тогда не до любопытства было².

Бетон в дотах должен быть плотным. Там ни одного пузыря не должно быть. За этим следили. Сохло все это очень быстро. Как зальем, разбирали эстакаду. Пока разберем, оно и высыхало. Опалубку снимали через день-два.

Опалубку использовали только один раз, под каждый дот новую делали. Ее еще снять было не всегда легко, отдирали. Какие-то были приспособления вроде гвоздодеров, чтоб подцеплять и отрывать. А как оторвешь, она уже повреждена, не годится. Доты накрывали песком и дерном, принося грунт вручную, на носилках.

Лидия Ивановна Утина на открытии музея «Дот № 204 рубежа «Ижора», 9 мая 2014 г., фото Д. В. Шаляпина

У многих дотов были пристройки деревянные. В основном для раненых, чтоб можно было помощь оказывать. Мы их тоже делали из бревен, досок. Но землянки не рыли. Уходили на следующий участок. Красили внутри тоже не мы, специальные маляры были.

Никаких званий у нас не было. Звания давали, когда уже демобилизовывали, и то не всем. Я демобилизовалась 13 мая 1945 года. Кто позже меня, тем обмундирование мужское давали, подъемные. А нам – ничего.

Вот сейчас вижу эти огневые точки, они разные. Многие покрасили, побелили. Не так уже выглядят. А здесь он в таком первоначальном виде сохранился³. Как построили, так и стоит. Стены такие же, как и были. Только сетка была еще сверху. Но это уже не мы натягивали. А мы, вот как закончили, опалубку сняли – в таком виде он и сейчас. Вот так бы и надо сохранить.

Запись Д. В. Шаляпина, 2013 г.; Утина (Лаврухина) Лидия Ивановна. «Недавно была у построенного...»// Люди и время: воспоминания жителей Фрунзенского района о блокаде: альманах. Вып. 1. Санкт-Петербург, 2014 г.с. 321–324. В обработке О. А. Ясененко, 2021 г.

Лидия Ивановна Утина на субботнике, фото Д. В. Шаляпина, 2013 г.

Дот № 204 рубежа «Ижора»

¹ Вероятно, в школе № 371 на Кузнецовской, 8. Современный адрес – Севастьянова, 13.

² Синее освещение широко использовалось в блокадном Ленинграде. Оно позволяло хорошо ориентироваться вблизи источника света, но становилось незаметным даже на небольшом расстоянии.

³ Речь идет о народном музее «Дот № 204» мемориального комплекса «Участок оборонительного рубежа «Ижора», расположенном на улице Димитрова.

БЛОКАДНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ /

«Прямо за дотом находился наш дом»

Блокадное детство Геннадия Петровича Карасева прошло в поселке Рылеево. Он стал свидетелем повседневного быта защитников Ленинграда и строительства оборонительного рубежа «Ижора».

В поселок Рылеево моя семья переехала на жительство в 1941 году. Мой отец работал на железной дороге: вначале крановщиком станции Сортировочная-Московская, а затем электриком на подстанции. Всю войну мы прожили в Рылеево. В начале октября 1941 года нас хотели эвакуировать, мы уже собрали все вещи, ждали отца. Но прошло назначенное для отъезда время (шесть часов вечера), а отца все не было. Он пришел только в десять и сказал, что состав с эвакуированными из Ленинграда немцы разбомбили вблизи станции Мга¹. Мама тогда приняла решение, что мы из Ленинграда уезжать не будем: «Если умирать – то дома».

На месте, где находится Муниципальный Совет МО № 72, на Пижской, 35, был когда-то центр деревни Рылеево. Всего две улицы было в этой деревеньке: улица Волгоградская и улица Байкальская. Там, где сейчас находится здание районной администрации, до осени 1941 года стоял дом семьи Пастуховых (почти вся семья Пастуховых погибла в войну). Осенью 1941 года дом Пастуховых снесли: он пошел на дрова и строительные материалы для мастерской по ремонту танков, которая находилась в центре большого сада за домом Пастуховых. В этой мастерской выполняли мелкие

ремонтные работы. Если требовался серьезный ремонт, то танки отправляли на Кировский завод.

Там, где сейчас стоит 201-я школа², в 1941 году проходила линия обороны. В землю были закопаны три танка. От нашего дота до этих танков были прорыты ходы сообщения. Много, очень много было таких ходов сообщения, так что от нашего поселка можно было по этим ходам дойти до Витебской железной дороги. Все было изъезжено танками, правда, по огородам танки не ездили. Начальство танкистам строго запретило, так как один раз, еще в на-

чале войны, они поехали в мастерскую прямо через огороды. Был тогда большой скандал.

Вы, наверное, видели, что на Пижской стоит дот. Так вот, прямо за дотом находился дом моей бабушки. Дот на Пижской, 35 строили женщины. Все машины со строительными материалами – цементом, арматурой – проезжали через двор нашего дома. В доте находился склад боеприпасов и склад продовольствия. Был в доте даже свой колодец. Рядом с дотом находилась землянка, в которой жили женщины-солдаты. И был у них командир, млад-

ший лейтенант, которого жители поселка называли Пастушком.

Рядом с дотом стояла армейская полевая кухня, а чуть подалее солдатами была построена деревянная баня. Территория за администрацией, ближе к проспекту Славы, использовалась в военные годы в качестве учебно-тренировочного полигона, на котором новобранцы проходили курс молодого бойца.

Рылеево немцы постоянно обстреливали. Как-то за нашим домом поймали фашистского наводчика. По высокой трубе одного из домов поселка он корректировал артиллерийский огонь. Во время войны за станцией Фарфоровская, ближе к метеостанции, стояла зенитная батарея. Как только немцы подлетали к Ленинграду, батарея начинала свою работу, била фашистов.

С Г.П. Карасевым встречался А. Южный.

Источник: Карасев Г.П. Мои воспоминания // Муниципальное обозрение. 2001. № 5 (Апр.). С. 3. В обработке О.А. Ясененко, 2021 г.

Дот № 20 рубежа «Ижора», фото Д.В. Шаляпина

¹ По всей видимости, это произошло раньше – в октябре станция Мга уже была захвачена немцами.

² Сейчас – школа № 303.

У Куракиной дороги

Пелагея Степановна Ершова в 1938 году приехала в Ленинград и устроилась работать на Кирпичный завод № 4. В маленьком поселке на Куракиной дороге, где в основном жили заводские рабочие и железнодорожники, ее и застала война.

Южное шоссе у платформы Сортировочная, 1938 г.

Наш поселок был застроен деревянными одно- и двухэтажными бараками. На берегу Волковки находился большой деревянный дом, где жили семейные, работающие на Кирпичном заводе. Каждый имел свое хозяйство: сараи с коровами, гусями, курами, овцами. Вокруг были сады, огороды.

В феврале 1941 года я вышла замуж. Но вскоре началась война. На второй день пришла повестка мужу на фронт, а осенью 1941 года пришла похоронка. На второй день войны молодежь и одиноких послали на оборонные работы под Кингисепп. Дали приказ рыть лопатами противотанковый ров. Работали только ночью. Немец быстро наступал, и мы бежали, истощенные от голода, обратно в Ленинград.

15 июля 1941 года я добралась до своей комнаты в поселке. На оборонные работы от завода нас отправляли неоднократно. 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Завод встал. На нашем 4-м Кирпичном заводе стоял замаскированный бронепоезд¹. Там, где Софийская улица, в районе овощной базы, было поле, и там стояли танки. Кругом были патрули. Везде была светомаскировка. Пройти без пропуска в поселок было невозможно.

«В феврале 1941 года я вышла замуж. Но вскоре началась война. На второй день пришла повестка мужу на фронт, а осенью 1941 года пришла похоронка».

В нашем поселке был Дом ребенка для беспризорных детей. С начала войны детей эвакуировали, здание огородили высоким забором, и там был ревтрибунал. А сейчас там находится Фрунзенский военкомат.

Источник публикации: Ершова П.С. У Куракиной дороги // Фрунзенский район. 2006. № 12. С. 4. В обработке О.А. Ясененко, 2021 г.

¹ Этот интересный факт пока не нашел документального подтверждения.

Куракина дорога – историческое название современных Южного шоссе и Альпийского переулка. Кирпичный завод № 4 и городок, построенный в конце 1930-х годов для его работников, неплохо просматриваются на немецких шпионских аэрофотоснимках. Отталкиваясь от них, можно насчитать порядка дюжины различных жилых строений городка барачного типа. Все жилые строения были деревянными, не имели водоснабжения. Отопление домов было печным. Во время блокады на территории завода размещались различные войсковые части. В начале 1950-х годов место барачных постепенно стали занимать кирпичные строения (так называемые «немецкие коттеджи»), существующие по сию пору.

БЛОКАДНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ /

Наша блокада

Профессор Ленинградского политехнического института Владимир Андреевич Романов и его жена Софья Исааковна жили на Тамбовской улице, в доме № 17. Воспоминания этой семьи о блокадном времени сохранил и опубликовал их сын, поэт Андрей Романов.

Супруги Романовы, 1967 г.

Софья Исааковна Романова: В доме графини Паниной

Уже второй год город был в кольце блокады. Самые тяжелые времена были позади. Зимой 41-го мы пережили, так как по чистой случайности не погибли наши два чемодана с продуктами. Не будь этих чемоданов, вряд ли бы я выжила, а уж о Володе и говорить нечего – мужчины были менее физиологически подготовлены к голоду.

Весной 1942 года я устроилась официанткой в столовую усиленного питания для переживших голодную зиму дистрофиков. Она открылась в доме Паниной, где был Клуб железнодорожников. Меня взяли, и я должна была принести сколько-то глубоких и мелких тарелок. Видимо, я еще не потеряла человеческого облика – те два чемодана помогли. Мне удалось устроить туда через поликлинику своего мужа, и он ходил в течение месяца в столовую обедать. Удавалось его немного подкормить.

Затем через три месяца столовая закрылась, и в том же подвале открыли дом отдыха для железнодорожников Дороги жизни. Я поступила туда библиотекарем. Библиотека была до войны очень хорошей и богато укомплектованной книгами. Было много старых книг и уникальных изданий. Основные помещения библиотеки не отапливались, и для меня выделили маленькую комнатку рядом с ними. Туда мною были перенесены самые ходовые книги, там была круглая печка, и было тепло. Если нужно было идти в фонд, то приходилось надевать пальто и брать с собой лампу.

Через площадку, против двери в библиотеку, был вход в столовую и кухню. Дом отдыха открылся, кухню затопили, и из нее через основные помещения библиотеки, непосредственно примыкавшие к ней, начали идти соблазнительные ароматы. Может быть, до войны эти кухонные ароматы и не казались такими чудесными, но когда я получала карточку служащего и была сильно истощена, запахи эти часто были для меня мучительными.

В доме отдыха по тем временам кормили прилично – о железнодорожниках

«Через площадку, против двери в библиотеку, был вход в столовую и кухню. Может быть, до войны эти кухонные ароматы и не казались такими чудесными, но когда я получала карточку служащего и была сильно истощена, запахи эти часто были для меня мучительными».

заботились. Часть работников столовой усиленного питания перешли в новую кухню, и некоторых я знала. Немного это мне помогало. Но часть кухонной obsługi была новой, и мой интеллигентный вид для них был, вероятно, противен. Когда на раздаче работала Клава, то мне обычно удавалось получить целую тарелку каши. Эту кашу я, шмыгнув в свою комнатку, с наслаждением уплетала. Иногда удавалось принести что-либо и мужу.

Владимир Андреевич Романов: Блокадный колодец

Мы с женой пошли на Камчатскую за водой. На санки поставили кастрюли и двинулись. На Камчатской был колодец¹. Верхнее строение его было сломано на топливо, и осталось лишь жерло, покрытое наледью. Наледь напоминала вулкан, в середине которого виднелось жерло колодца. И вот по этой наледи лезли люди с кастрюлями и старались впихнуть их в жерло. Они ползли, скользили вниз, снова ползли.

Ленинградцы черпают воду из лопнувших труб на Звенигородской улице, январь 1942 г.

Дом культуры железнодорожников на Тамбовской улице, начало 1950-х годов

Те, кому удалось втиснуть кастрюлю в жерло, старались как-нибудь зачерпнуть драгоценной влаги и вытащить ее наверх. Я тоже принял участие в этом представлении – со стороны все выглядело довольно смешно.

И вдруг мне стало холодно, и я понял тогда, что это означает, когда кровь стынет в жилах. Жена сразу же бросила нашу затею с водой и повела меня домой. Дома уложила меня в постель, согрела в буржуйке воды и поставила грелку. Долго я не мог прийти в себя. Было это за неделю до нового, 1942 года.

Жена сходила в поликлинику и вызвала врача. Видите, какая была железная организация – поликлиника действовала, действовала почта. Врач пришла под вечер. Дистрофия второй степени. Надо то да се. Жена угостила

ее горячим кофе, и «то да се» нашлось. Кагор оказался очень кстати – я получил бюллетень на месяц. Лежал с дистрофией в постели, а жена делала все, что нужно для обеспечения меня с тещей всем необходимым. Видите, какова была в это время роль женщины!

В конце января я уже настолько окреп, что стал выходить на улицу. Помнится, в один солнечный день я вышел на Тамбовскую, а затем прошел на Расстанную. В сторону Волкова кладбища идет народ и обратно идет тоже. Идут лишь женщины, и каждая тащит за собой саночки с какими-то длинными, белыми свертками. Свертки очень тоненькие. Что это? Уж не покойники ли? А обратно пустые. Знаете, сколько людей погибало в день? Самое большое – пятьдесят тысяч! Женщины стали умирать намного позже.

**Источник: В. А и С. И. Романовы.
Моя блокада, которой не было
// Второй Петербург. 2015. № 25
(Январь-март). С. 149-159. В обработке
О. А. Ясененко, 2021 г.**

«Мы с женой пошли на Камчатскую за водой. На санки поставили кастрюли и двинулись. Верхнее строение (колодца) было сломано на топливо, и осталось лишь жерло, покрытое наледью. И вот по этой наледи лезли люди с кастрюлями и старались впихнуть их в жерло. Они ползли, скользили вниз, снова ползли. Я тоже принял участие в этом представлении. И вдруг мне стало холодно, и я понял тогда, что это означает, когда кровь стынет в жилах. Жена сразу же бросила нашу затею с водой и повела меня домой. Было это за неделю до нового, 1942 года».

¹ Возможно, это был не колодец, а прорванная подземная труба, по которой бежала вода.

БЛОКАДНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ /

«Из тех березок осталась одна...»

Михаилу Сергеевичу Соколову было 12 лет, когда началась война. В октябре 1941 года станция Шушары, где жила его семья, оказалась в прифронтовой полосе. Начались бомбежки и артобстрелы, люди прятались в дзотах. В октябре всех жителей эвакуировали на Витебскую-Сортировочную станцию, и Миша с мамой поселились в котельной у знакомого кочегара. В городе начался голод, а в шушарских полях лежал необрунный урожай.

Михаил Сергеевич Соколов

Смерть и картошка

На совхозных полях в Шушарах и под Пулковом лежит в земле необрунная картошка и капуста – хряпа, как ее называли в блокаду. С конца августа здесь проходит линия фронта. В предвоенном году в это же время мы, школьники, помогая совхозу убирать эту картошку, пекли ее в костре. До чего же она была вкусная! Мы с другом решили добраться до этих полей. Дойдя до линии нашей обороны, мы залегли и поползли. Главное, чтобы не заметили наши – сразу вернут обратно, у них приказ. Мимо своих проползли. Впереди картошка. Но впереди и враги¹.

Вот мы и на заветном месте! Разрываю снег, добираться до земли – твердой, промерзлой. Но копать-то надо: уж очень хочется есть. И вот она – первая заветная моя картошка, потом вторая, третья... все забыв, закладываю картошку в рюкзачок.

И тут начинается обстрел, засвистели пули. Земля смешалась с небом. Надо

«Стало еще холодней. Ползем. Но ползти домой легче, не так страшно. Ползем к своим, поэтому не очень и маскируемся. Красноармейцы нас заметили. «Привет, фронтовики! – сказал нам один из них. – Что же это вы ползаете по передовой без приказа?» Мы молчим, трясемся от холода. Холод сковал не только тело, но и речь. Красноармейцы отогрели нас в своей землянке, у буржуйки. Накормили.»

лежать неподвижно: больше шансов остаться в живых. Страха нет – в рюкзаке картошка, она согревает душу.

Обстрел закончился. Впереди на поле лежит под снегом хряпа. Но нет уже сил. Друг подает сигнал – отходить. Ползет обратно. Одолевает холод. Руки замерзли, ноги околели, все тело продрогло. Но на душе тепло: в рюкзаке – картошечка. Можно и пометать. Придет сегодня мама домой, войдет в комнату и увидит на столе... котелок с картошкой! Думаю, как мы с другом завтра поползем за хряпой. Я буду носить маме картошку и хряпу. Я должен быть сильным, ведь я единственный мужчина в семье...

Стало еще холодней. Ползем. Но ползти домой легче, не так страшно. Ползем к своим, поэтому не очень и маскируемся. Красноармейцы нас заметили. «Привет, фронтовики! – сказал нам один из них. – Что же это вы ползаете по передовой без приказа?» Мы молчим, трясемся от холода. Холод сковал не только тело, но и речь. Красноармейцы отогрели нас в своей землянке, у буржуйки. Накормили.

Положили в наши рюкзаки по две банки консервов мясных и сухарей. Мы отказывались, не брали. Мой друг сказал им, что они тоже не очень сыты. Но командир ответил: «Берите. Это вам подарок от всех фронтовиков нашей передовой линии». И еще очень просили нас не ползть по передовой.

Было уже поздно, когда мы распрощались с ними и отправились домой. Мороз крепчал. Но нам было легче, потому что не хотелось есть.

Вот я добрался до дома. Вошел. Мама сидит у окна. Увидев меня, заплакала.

Анна Петровна Соколова

Линия заграждений на окраине Ленинграда, 1943 г., фото С. Шиманского

Подождала, прижала к себе и сказала: «Что же это ты, сыночек, уходишь и не говоришь куда?» Посмотрев на рюкзачок с продуктами, сказала чуть слышно: «Не ходи, сыночек, больше на передовую». Наверное, ей обо всем рассказали соседи. Мама терла мои замерзшие щеки, нос, дышала на руки. Я молчал, мне было радостно и стыдно. И вдруг я куда-то провалился, заснул крепким сном у мамы на руках.

Проснулся я поздно. Вижу – на столе стоит котелок. Подхожу, смотрю – в котелке картофельное пюре с мясными консервами, от запаха кружится голова. На блюдечке сухари. Долго смотрю на это богатство – не исчезло бы.

Под котелком записка. Читаю: «Сыночек, любимый, родной. Никуда не ходи. Жди меня. Я за тебя очень боюсь. Целую тебя, мой сыночек. Твоя мама». За окном завывала сирена: опять бомбежка и обстрелы. Блокада продолжается.

Мамины слезы

Как сейчас помню: у стен нашего дома росли березки. Когда я слышу слово «война», почему-то сразу вспоминаю их. В свободную минуту к ним иногда подходила мама. Она садилась возле одной и о чем-то думала. Она сидела молча, но ее губы что-то шептали. Иногда она вытирала передником слезы. Нам мама ничего не говорила, но мы догадывались, о чем она молчит: отец и два старших брата были на фронте. Во время блокады она работала на железной дороге, домой приходила поздно, смертельно уставшая.

В 1942 году на Невском пяточке получил множественные тяжелые ранения, потерял много крови мой старший

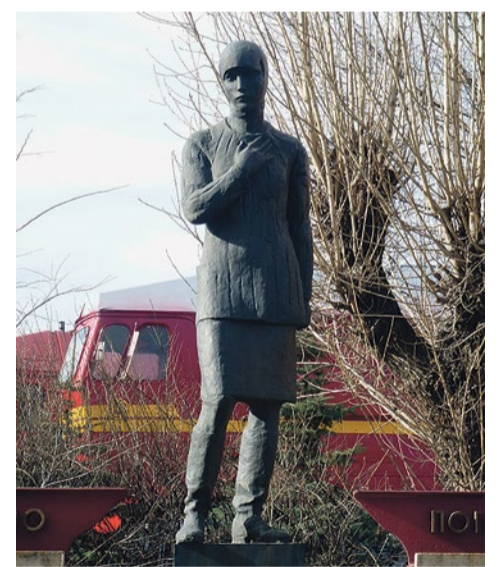
брат – Сергей, разведчик. Он стал инвалидом Великой Отечественной войны 1-й группы, но прожил долгую жизнь и умер в октябре 2001 года. Через год пришла похоронка на другого брата – Иван Соколов погиб при прорыве блокады Ленинграда 30 января 1943 года.

В 1943 году во время артиллерийского обстрела была контужена моя старшая сестра Раиса. В феврале 1944 года в бою под Кингисеппом погиб мой отец Сергей Дмитриевич Соколов. Мама поседела, но переносила мужественно. Она делала все, чтобы сохранить нас с сестрой. Спустя много лет я понял, какой ценой ей это давалось.

Из тех березок, возле которых иногда останавливалась моя мама, осталась одна. Я часто прихожу к ней. Время посебрило дерево, но по весне из нее каплет березовый сок. И я вижу в нем мамины слезы.

Источник: Соколов Михаил Сергеевич. «Январь 1942...» // Люди и время: воспоминания жителей Фрунзенского района о блокаде: альманах. Вып. 2. Санкт-Петербург, 2015. С. 373–388. В работе О. А. Ясененко, 2021 г.

¹ Передовая линия фронта находилась далеко, на окраине Пушкина. Вероятно, ребята добрались до расположения тылов стоящих на передовой частей. Помимо вражеских обстрелов их жизни угрожали минные поля и другие инженерные заграждения.

Памятник погибшим в блокаду работникам станции Витебская-Сортировочная

Приемная МО № 72:
360-39-22Отдел благоустройства:
360-01-45Отдел опеки:
361-50-02Электронная почта:
72@mo72.ruОфициальный сайт:
mo72.ru

Свидетельство о регистрации № П 3595 от 12 марта 1999 года, выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу.
Учредитель: Муниципальный совет МО МО № 72.

Адрес редакции и издателя: 192241, Санкт-Петербург, ул. Пискаревская, д. 35; тел./факс: (812) 360-39-22.
Газета «Муниципальное обозрение» № 11 (296) 29.12.2021 года
Главный редактор: П. Е. Швец. Выпускающие редакторы: М. А. Тарасова, О. А. Ясененко.

Дизайн и верстка: ООО «Издательский Дом ПремимумПресс», 197374, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, 4, к. 2, лит. А, пом. 3-Н, К371.
Газета отпечатана в ООО «Типографский комплекс «Девиз», 195027, Санкт-Петербург, Якорная ул., 10, к. 2, лит. А, пом. 44. Заказ № ДБ-7980.

Номер подписан в печать: 28.12.2021
Дата выхода: 29.12.2021
Тираж: 30 000 экз.
Распространяется бесплатно.

12+